

УДК 903.27

DOI: 10.17223/19988613/69/4

А.Л. Заика

АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ ЗАПАДНОЙ И ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ

Статья представляет расширенный вариант доклада, прочитанного на юбилейной XVIII Международной Западносибирской археолого-этнографической конференции «Западная Сибирь в транскультурном пространстве Северной Евразии: итоги и перспективы 50 лет исследований ЗСАЭК», состоявшейся 16–18 декабря 2020 г. на базе Томского государственного университета.

Рассматриваются вопросы развития художественного творчества, межрегиональных культурных связей древних народов Восточной и Западной Сибири в эпоху неолита – ранней бронзы на примере сюжетов монументального и мобильного искусства в виде антропоморфных личин. Основной акцент исследования – антропоморфные образы на керамике самусьской культуры. Анализ иконографии масок-личин свидетельствует о тесных связях с культурами Ангары и Енисея. Доминирующие позиции занимает влияние искусства окуневской культуры.

Ключевые слова: древнее искусство; петроглифы; антропоморфные личины.

Введение

Вопросы развития художественного творчества, межрегиональных культурных связей древних народов Восточной и Западной Сибири на примере сюжетов монументального и мобильного искусства давно привлекают внимание ученых, не потеряли они своей актуальности и в настоящее время [1, 2]. В данном случае предметом исследования являются антропоморфные образы в виде личин, которые встречаются как самостоятельно в искусстве регионов, так и в качестве масок-личин антропоморфных фигур. Учитывая ограниченные рамки статьи, рассмотрим данные образы лишь в эпоху позднего неолита – ранней бронзы (вторая половина III – первая половина II тыс. до н.э.). Территориально сектор исследования включает Обско-Томскую лесостепь, ограниченную на юге Горным Алтаем, Средний Енисей и Нижнее Приангарье. Целью работы является рассмотрение вопросов генезиса региональных изобразительных традиций и роли межкультурных контактов в их развитии на основе сравнительного стилистического и иконографического анализа антропоморфных образов в рассматриваемый период.

Западносибирский регион в силу природно-ландшафтной ситуации не отличается наличием удобных для монументального творчества скальных выходов и каменных пород. Исключение составляет правый берег р. Томи на участке протяженностью 50 км, где на береговых выходах сланца на настоящий момент известно 6 писаниц (Томская, Тутальская, Новоромановская 1, Новоромановская 2, Висячий камень, Долгая). Поэтому искомые сюжеты в большинстве своем зафиксированы на керамике и в меньшей степени в предметах мелкой пластики. В восточной части исследуемой области Сибири, на Енисее и Ангаре, ситуация наблюдается диаметрально противоположная: рассматриваемые образы преобладают в монументальном искусстве

(наскальные рисунки, петроглифы на прибрежных валунах, менгирах, стелах и изваяниях, погребальных плитах) и сравнительно в небольшом количестве зафиксированы на предметах мобильного искусства (керамика, мелкая пластика).

Ряд исследователей совершенно справедливо критически относятся к сопоставлению сюжетов в наскальном искусстве с образами на предметах мобильного искусства, в первую очередь – в мелкой пластике [3. С. 19; 4. С. 154]. Принимая во внимание аргументы исследователей, мы в своей работе в большей степени ориентируемся на плоскостные носители искомым образом среди предметов мелкой пластики, сюжеты декора керамики, которые максимально соответствуют характеру изображений в петроглифах.

Характеристика антропоморфных образов

С целью продуктивной характеристики образов и проведения их сравнительного анализа необходимо обозначить опорные стилистические и иконографические параметры. Поэтому рассмотрим антропоморфные личины, исходя из наличия и вида их внешнего контура, характера внешнего и внутреннего оформления, вариантов сочетания с различного типа антропоморфными фигурами. За основу приняты авторские принципы классификации, использованные для антропоморфных образов в наскальном искусстве Нижней Ангары [5; 6; 7. С. 114–125].

По наличию внешнего абриса личины подразделяются на оконтуренные и неоконтуренные. По его виду – на округлые, параболаидные (полукруглые), сердцевидные. Среди деталей внешнего оформления личин мы берем во внимание «рога» – вертикальные линии наверху, центральный вертикальный «отросток», концентрические окружности, боковые или радиально расположенные линии-лучи. Последний вариант внешнего антуража, как правило, обозначает «солнце-

головые» образы. Внутреннее оформление («татуировку») следует подразделить на три вида: вертикальное, горизонтальное, комбинированное.

Многие личины являются масками антропоморфных фигур, которые подразделяются на два основных типа: фронтальные и фас-профильные. У фронтальных фигур все части тела развернуты в фас, у фас-профильных ноги показаны в профиль. Среди фронтальных образов следует выделить фронтально-симметричные фигуры, у которых конечности показаны зеркально по обе стороны линии туловища. Руки, как правило, разведены в стороны или опущены вниз, ноги согнуты в коленях и сведены вместе на уровне стоп или прямые, непропорционально короткие, расставлены в стороны. Промежуточное положение между основными типами антропоморфных фигур занимают изображения «идольчиков», или «клиновидных фигурок», [8. С. 202–204] и фас-аморфные фигуры. У обозначенных фигур конечности полностью или частично отсутствуют. У «идольчиков» туловище имеет клиновидную форму, у фас-аморфных нижние контуры туловища представляют аморфные очертания.

Учитывая ограниченные рамки статьи, мы будем акцентировать свое внимание на сюжетах самусьского искусства. В Западной Сибири, в бассейне р. Оби, известна большая группа антропоморфных образов, запечатленных на керамической посуде самусьской культуры. Выявлены они на территории поселения Самусь-IV и датируются эпохой ранней бронзы (конец III – начало II тыс. до н.э.). В большинстве своем представлены, практически в равной степени, фронтально-симметричные и фас-аморфные антропоморфные фигуры с «трехрогими» параболаидными масками-личинами с боковыми лучами (более 60 фигур), причем центральный «рог», по всей видимости, обозначает у них вертикальный «отросток». Только на трех фрагментах керамики зафиксированы округлые солнцеголовые личины с радиальными лучами [2. Табл. 1, 135, 1, 2, 353] и одна округлая личина на дне сосуда в обрамлении концентрических окружностей [Там же. Табл. 1, 282]. В отличие от параболаидных личин, у них внутри контура прослеживаются варианты комбинированной «татуировки». Зафиксированы на керамике личины с сердцевидным (14) и округлым двойным или тройным контурами (12). Они, как правило, являются масками фас-аморфных фигур, имеют вертикальное наголовье и боковые «отростки» [Там же. Табл. 1, 142–152, 155–166]. В семи случаях присутствуют комбинированные варианты в виде сердцевидных личин, вписанных в концентрические окружности [Там же. Табл. 1, 167–170], у них детали внешнего оформления идентичны. Не имеют внешнего контура 33 личины [2. Табл. 1, 184–198, 344–346], они показаны условно в виде «трехточечных» образов. 14 личин с округлыми верхними и нижними очертаниями «втиснуты» между вертикальными линиями орнамента [Там же. Табл. 1, 171–177, 338–342]. У них превалирует горизонтальный мотив «татуировки». Внешнее оформление представлено вертикальным наголовьем из тройных линий, имеющих в основании косые боковые росчерки. В одном случае их заменяют

фигурно изогнутые рога по обе стороны четырехлинейного вертикального наголовья. У трех личин вертикальный «отросток» имеет вид вытянутого треугольного контура. Свообразием отличаются верхние фрагменты четырех округлых личин, которые имеют «медвежьи ушки», расположенные по обе стороны вертикального наголовья [Там же. Табл. 1, 179–181]. На фрагментах двух сосудов зафиксированы четыре личины с, надо полагать, овальным контуром, обрамленным косыми боковыми одинарными и двойными прямыми линиями [Там же. Табл. 1, 182–183]. Судя по сохранившемуся изображению одного антропоморфного образа, данные личины являются масками фас-аморфных фигур, туловище которых условно обозначено в виде вертикальной двойной линии. Кроме внешних боковых линий имеется вертикальный извилистый линейный «отросток». Обозначены глаза, ноздри и горизонтальная линия рта и, если верить прорисовке, показаны тонкими линиями горизонтальная «татуировка» и нос [Там же. Табл. 1, 182, 1].

В западносибирских петроглифах антропоморфные личины зафиксированы на писаницах Томской и Вишарийский камень. Представлены самостоятельные изображения сердцевидных личин и одного череповидного образа [2. Табл. 12; 9]. Округлые маски солнцеголовых фронтально-симметричных фигур и один «солнечный» нимб сравнительно недавно выявлены на Томской и Тутальской писаницах [2. Табл. 12; 10. Рис. 18].

На Среднем Енисее большинство антропоморфных образов зафиксировано на стелах, изваяниях и погребальных плитах, свод которых представлен в отечественной и зарубежной литературе [11, 12], меньшее количество личин выявлено на скалах, и единичные образы зафиксированы на мобильных носителях. Большая часть образов имеет округлый, реже – сердцевидный и в единичных случаях параболаидный контур с горизонтальной и комбинированной «татуировкой». В классическом «черновском» варианте (см.: [13]) они имеют вертикальный «отросток», боковые «рога», иногда – «уши». Представлены они, как правило, самостоятельно. Для «тасхазинской» группы личин характерна горизонтальная манера «татуировки». Внешний антураж: в различных вариантах «солнечное» обрамление или вертикальный конусовидный головной убор, встречаются комбинированные варианты, где кроме вышеуказанных деталей присутствуют «рога». Как правило, эти лики являются масками фас-аморфных, фас-профильных, реже – фронтально-симметричных фигур. «Джойская» группа личин не имеет внешнего контура, чаще встречается на писаницах Саян, у них превалирует горизонтальная манера «татуировки» [12. С. 20–21]. Д.Г. Савинов дополнительно выделяет на окуневских плитах «Кок-хайнскую» группу неоконтурных изображений, близких джойским, и Тейскую группу трехрогих округлых личин с горизонтальной «татуировкой» на изваяниях [14. С. 167, рис. 13, 14].

Свод источников по ангарским антропоморфным личинам приведен в авторской монографии [7]. В петроглифах доминируют личины с полным или частичным сердцевидным контуром, вертикальной манерой

«татуировки» и вертикальным наголовьем в виде ветвистого «отростка». Как правило, они встречаются самостоятельно, иногда являются масками фронтально-симметричных фигур. Параболоидные и округлые маски зафиксированы у «идольчиков», фас-профильных и фас-аморфных фигур, имеют два или три «рога», горизонтальный вариант «татуировки». «Солнцеголовые» персонажи практически отсутствуют. Неоконтурные «трехточечные» личины сконцентрированы на валунах местонахождения «Геофизик» (около 50 ликов), иногда они заключены в сердцевидный контур, концентрические окружности.

Вопросы формирования и развития изобразительных традиций

Вопросы происхождения самусьского искусства, его роли в развитии культуры древних народов Сибири актуальны на сегодняшний день [2. С. 162–183]. Чтобы приблизиться к решению данных вопросов, рассмотрим антропоморфные образы самусьской культуры в контексте развития древнего творчества на территории соседних регионов Западной и Восточной Сибири.

Фронтально-симметричный ракурс фигур в большей степени характерен для антропоморфных образов в петроглифах неолита – ранней бронзы Восточной Сибири (Ангара, Прибайкалье) [15. Табл. 9]. Учитывая, что они показаны в более реалистичном виде и в контексте многофигурных композиций, следует полагать, что данная традиция имеет автохтонное происхождение и проникла в Приобье с востока через Нижнее Приангарье, которое занимает пограничное положение между Западной и Восточной Сибирью [7. С. 141, 148, 152]. «Трехточечное» оформление неоконтурных личин, как и обрамление их концентрическими окружностями, также характерно для личин в петроглифах Нижней Ангары. В большинстве своем они выполнены путем выбивки с последующей шлифовкой, зафиксированы на периодически затопляемых прибрежных валунах местонахождения «Геофизик» и датированы поздним неолитом [Там же. С. 132–133, табл. 25, 26, 53, 102, 2, 106, 129; 16]. В единичных вариантах они выполнены охрой на других писаницах региона [Там же. Табл. 40].

С восточными влияниями следует также связать появление в самусьском искусстве и сердцевидных личин, контур которых на керамике принял угловатые формы. Полный или частичный сердцевидный абрис личин характерен для петроглифов Нижней Ангары. Наиболее ранние неолитические образы зафиксированы на местонахождении «Геофизик», наиболее поздние – в петроглифах писаницы Рыбное, которые датируются эпохой раннего железа. Основная группа личин соотносится с разными периодами эпохи бронзы [Там же. Табл. 129]. То есть данная традиция, имея глубокие корни, прочно вошла в культуру местных народов и не потеряла своей актуальности на протяжении многих веков. Соотнесение сердцевидных окуневских и самусьских образов достойно внимания [2. Рис. 64, 13–16], но оно иллюстрирует не гентическую, а опо-

средованную связь. Окуневские персонажи сердцевидного и череповидного облика единичны, появились на поздних этапах развития культуры под влиянием ангарских изобразительных традиций [17]. То же можно сказать и про сердцевидные личины на Томских писаницах. Влияние окуневских традиций здесь может наблюдаться на примере одного образа с горизонтальной линией «татуировки» [18. Рис. 272].

Интерес представляет своеобразное внешнее оформление самусьских личин: три вертикальных «рога» в сочетании с боковыми линиями-лучами. По всей видимости, данная традиция «солнцеголовости» сформировалась на территории Среднего Енисея. Об этом свидетельствует широкий спектр ее проявления на различных носителях (погребальные плиты, скальные плоскости, керамика) [19]. Судя по археологическим данным, этот процесс соотносится с ранним – «уйбатским» – этапом окуневской культуры, связан с распространением тас-хазинского стиля в искусстве Минусинской котловины. Формирование его могло происходить как на местной основе, так и под влиянием извне, что более вероятно. Надо полагать, что базовым был классический вариант «солнцеголовости». В одном случае он был воспринят практически без изменений, а в другом принял вид личин с боковыми лучами [8. Рис. 1; 12. Рис. 20, 1, 3, № 135, 220; 20. Табл. XVII, XIX, XX, XXII; 21. С. 71, рис. 2 и др.]. Боковое положение лучей было обусловлено необходимостью поместить в верхней части личины «рога» и вертикальный «отросток» между ними. Подобные трансформации классического варианта были обусловлены местными традициями, которые уходят своими истоками в эпоху неолита и в окуневское время нашли яркое отражение в личинах на классических изваяниях «черновского» типа. Основными элементами внешнего оформления личин являются «рога» и вертикальный прямой или извилистый «отросток» между ними. Вертикальное их наголовье несет ихтиоморфные черты и отражает верования, по всей видимости, местных охотников-рыболовов. Происхождение «рогов» может объясняться как влиянием афанасьевской скотоводческой культуры в эпоху энеолита, так и местными представлениями о мамонте [22], бивни которого в обилии встречаются по берегам Енисея и его притоков.

Традиция личин с боковыми лучами получила дальнейшее распространение в северо-западном направлении и повлияла на искусство самусьской культуры. Контакты могли осуществляться через Ачинско-Мариинскую лесостепь. Это подтверждается археологическими данными: находками самусьской керамики на северо-западе Минусинской котловины, наличием самусьского детского захоронения на оз. Утинка в Кемеровской области [23]. Данный процесс мог происходить, судя по датировке утинкинского захоронения, в пределах 4,5 тыс. л.н. [24. С. 273], т.е. уже на ранних этапах окуневской культуры, хотя, по мнению Д.Г. Савинова, появление антропоморфных сюжетов на самусьской керамике связано с влиянием окуневского искусства в период его расцвета [25. С. 44–47], что более вероятно. В отличие от окуневских образов, боковые лучи у самусьских антропо-

морфов приняли вид прямых линий, реже – ямок, что также свидетельствует об аллохтонности данной категории образов. «Рога» также показаны схематично – прямыми линиями, центральное вертикальное наголовье часто оканчивается условной развилкой в виде дуги, иногда представлено контурной треугольной фигурой, моделирующей вертикальный центральный «отросток» окуневских личин. Единичные факты присутствия в самусьской керамике личин с радиальными лучами могут также объясняться влиянием со стороны окуневской культуры Среднего Енисея. Но не исключен культурный импульс с территории Горного Алтая, тем более что вектор его распространения в северном направлении последовательно маркирован находкой костяного идольчика на р. Чумыш (Кораблик-1) [26], солнцеголовыми антропоморфами в петроглифах Томской и Тутальской писаниц [2. Табл. 12; 10. Рис. 18], предметами мелкой пластики в крохалевских захоронениях в г. Новосибирске [27, 28]. С влиянием окуневских традиций связано и преобладание горизонтального и комбинированного мотивов в «татуировке» самусьских личин.

Нельзя сказать, что самусьское искусство формировалось исключительно под влиянием извне. Параболоидный контур личин, показанный на хорошо обозначенной шее, не характерен для изобразительных традиций соседних регионов, как и внешнее оформление в виде равнозначных трех «рогов». Самусьское влияние прослеживается в петроглифическом искусстве Ангары и Прибайкалья. Показательным примером является изображение трехрогого «шамана» на писанице Манзя на р. Ангаре [15. Табл. 9, 16]. В окуневском искусстве оно проявилось на примере фронтально-симметричных фигур и параболоидных масок-личин. Особенно ярко маркирует самусьское влияние изображение антропоморфа на Шалаболинской писанице [29. Табл. 3, 4]. Не исключено, что появление «тейской» группы окуневских личин также связано с распространением самусьских изобразительных традиций. И.В. Ковтун расширяет «самусоидный» круг окуневских антропоморфных образов, куда включает многие личины с равнозначными тремя прямыми вертикальными «отросками-рогами» [10. Рис. 15].

Надо полагать, что признаки, характерные для слабо самусьских антропоморфных образов, формировались на местной основе. На вопрос, что лежит в основе иконографии параболоидных контуров, пока трудно ответить однозначно, но нельзя отрицать, что данная трактовка головной части антропоморфов не потеряла своей актуальности и в последующую эпоху раннего железа. Достаточно обратить внимание на

личины, отраженные в металлопластике и на керамических сосудах кулайской культуры [2. Табл. 72; 30]. Соответственно, подобные факты являются дополнительным аргументом в пользу автохтонности данного инварианта в самусьском искусстве.

Заключение

Появление личин в творчестве Восточной и Западной Сибири – явление в большей степени стадияльное в социально-экономическом и культурном развитии человеческого общества, когда уже в эпоху неолита на смену зооморфным объектам культа начинают появляться антропоморфные образы, напоминающие человеческое лицо [31]. В разных регионах они приняли свои доминирующие очертания: сердцевидные (Ангара), параболоидные (Обь), округлые (Енисей), которые наполнялись внешними и внутренними деталями, маркирующими как базовые черты в иконографии образов, так и инокультурные вариации.

Сложно отрицать превалирующую роль монументального творчества по отношению к мобильному искусству в отражении базовых позиций мировоззрения древнего населения. Поэтому, по нашему мнению, генерирующую роль в развитии искусства в обозначенных областях Сибири сыграл окуневский очаг древнего творчества на Среднем Енисее. В основе окуневского искусства лежат местные неолитические художественные традиции, на которые наложились культурные «инновации» пришлого афанасьевского населения. Культурный симбиоз не только обновил основы миропонимания, но и породил феномен окуневского искусства, которое оказало заметное влияние на культуру древнего населения соседних территорий Сибири.

Отсутствие долговечного материала для фиксации художественным языком моделей мироздания, мифических сюжетов и объектов поклонения спровоцировало массовое тиражирование их на мобильных носителях в западносибирском регионе. Производственно-культовым центром таковых, видимо, являлось местонахождение Самусь-IV. Возможно, это был сакральный центр, который играл коммуникативную роль для интеграции социума, с одной стороны, и трансляции идей за пределы ойкумены через сюжеты керамических изделий – с другой.

На примере антропоморфных образов можно проследить кардинальные изменения в мировоззрении древних социумов Сибири, особенности их художественной культуры, векторы межкультурных контактов в эпоху неолита – ранней бронзы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск : ИАЭ СО РАН, 2001. 184 с.
2. Есин Ю.Н. Древнее искусство Сибири: самусьская культура. Томск, 2009. 256 с. (Труды Музея археологии и этнографии Сибири; т. II).
3. Молодин В.И. Еще раз о хронологии и датировке Турочакских писаниц (некоторые проблемы хронологии и культурной принадлежности петроглифов Южной Сибири) // Культура древних народов Южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 4–25.
4. Савинов Д.Г. Некоторые аспекты теоретического изучения петроглифов (по материалам Центральной Азии и Южной Сибири) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 150–161.
5. Заика А.Л. Принципы классификации антропоморфных образов (по материалам петроглифов Нижней Ангары) // Homo Eurasicus у врат искусства. СПб., 2009. С. 307–325.
6. Заика А.Л. Личины в наскальном искусстве нижней Ангары // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. № 1 (49). С. 62–75.

7. Заика А.Л. Личины Нижней Ангары. Красноярск : Красноярск. гос. пед. ун-т., 2013. 178 с.
8. Савинов Д.Г. К вопросу о формировании окуневской изобразительной традиции // Окуневский сборник. Культура. Искусство. Антропология. СПб., 1997. С. 202–212.
9. Ковтун И.В. Петроглифы Висящего камня и хронология томских писаниц. Кемерово : Кузбассвузиздат, 1993. 140 с.
10. Ковтун И.В. Хронология главной плоскости Тутальской писаницы // Ученые записки музея-заповедника «Томская писаница». Кемерово, 2020. Вып. 11. С. 13–44.
11. Leont'ev N.V., Kapel'ko V.F. Steinstelen der Okunev-Kultur. Mainz : von Zabern, 2002. 238 S.
12. Леонтьев Н.В., Капелько В.Ф., Есин Ю.Н. Изваяния и стелы окуневской культуры. Абакан : Хакасское кн. изд-во, 2006. 236 с.
13. Леонтьев Н.В. Антропоморфные изображения окуневской культуры (проблемы хронологии и семантики). // Сибирь, Центральная и Восточная Азия в древности. Неолит и эпоха металла. Новосибирск : Наука, 1978. С. 88–118.
14. Савинов Д.Г. О выделении стилей и иконографических групп изображений окуневского искусства // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 157–190.
15. Заика А.Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 330–342.
16. Заика А.Л., Степанов Н.С., Матвеев В.Е. Новые петроглифы Ангары (предварительное сообщение) // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2015. Вып. VII. С. 135–149.
17. Заика А.Л. Сердцевидные личины в петроглифах Оужной Сибири // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 35–51.
18. Окладников А.П., Мартынов А.И. Сокровища Томских писаниц. Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. М. : Искусство, 1972. 257 с.
19. Поляков А.П., Есин Ю.Н. Курильница с антропоморфными изображениями из раннеокуневского погребения могильника Итколь-II // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул, 2017. Т. I. С. 340–345.
20. Липский А.Н., Вадецкая Э.Б. Могильник Тас-Хазая // Окуневский сборник. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 9–52.
21. Есин Ю.Н. Тайна богов древней степи. Абакан : Хакас. науч.-исслед. ин-т языка, литературы и истории, 2010. 184 с.
22. Заика А.Л. Образ мамонта в искусстве древних и традиционных культур Северной Азии // Вестник Омского университета. Сер. Исторические науки. 2014. № 2 (2). С. 95–103.
23. Бобров В.В., Волков П.В., Герман П.В. Утинкинское погребение // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 4 (44). С. 76–84.
24. Ковтун И.В., Марочкин А.Г., Герман П.В. Радиоуглеродные даты и относительная хронология сейминско-турбинских, крохалевских и самусьских древностей // Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда. Барнаул, 2017. Т. I. С. 269–274.
25. Савинов Д.Г. О стратиграфии окуневского искусства // Искусство бронзового века. Новосибирск : Новосиб. гос. ун-т, 2015. С. 19–53.
26. Грушин С.П., Кокшенев В.В. Захоронение с антропоморфной скульптурой в Среднем Причумышье // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Барнаул, 2004. С. 35–48.
27. Басова Н.В., Постнов А.В., Заика А.Л., Молодин В.И. Предметы мобильного искусства из могильника эпохи бронзы на поселении Турист-2 // Археология, этнография и антропология Евразии. 2019. Т. 47, № 4. С. 53–65.
28. Заика А.Л., Басова Н.В., Постнов А.В. Антропоморфная многофигурная композиция из погребения на поселении Турист-2 в Новосибирске // Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. М. ; Кемерово, 2018. С. 123–130.
29. Пяткин Б.Н., Мартынов А.И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск : Изд-во Красноярск. гос. ун-та, 1985. 192 с.
30. Полосмак Н.В., Шумакова Е.В. Очерки семантики кулайского искусства. Новосибирск : Наука, 1991. 92 с.
31. Заика А.Л. Антропоморфные личины и «неолитическая революция» в культуре древних народов Северной Азии // Вестник Новосибирского государственного университета. 2009. Т. 8, вып. 3. С. 98–112.

Alexander L. Zaika, Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafieva (Krasnoyarsk, Russian Federation). E-mail: zaika_al@mail.ru

ANTHROPOMORPHIC FACES IN THE ANCIENT ART OF WESTERN AND EASTERN SIBERIA

Keywords: ancient art; petroglyphs; anthropomorphic faces.

The subject of this research is anthropomorphic images in the form of a human face (masks), which are recorded in the monumental (rock paintings, statues) and mobile art of the ancient peoples of Western and Eastern Siberia in the Neolithic-Early Bronze Age. The article discusses the genesis of local artistic traditions, interregional cultural contacts. In Western Siberia, a large number of images of masks of anthropomorphic figures were recorded on ceramics of the Samus culture. According to the results of stylistic analysis, a semicircular contour of masks prevails here. In Eastern Siberia, images of masks are common among the rock paintings of the Angara. Most looks have a heart-shaped outline. The borderland (Middle Yenisei) has the largest number of anthropomorphic images. They are recorded both among the rock paintings and on the statues of the Okunev culture. Many masks of the Okunev culture have a rounded outline with different entourage.

Each region had its own artistic tradition origins. On the example of anthropomorphic images, close intercultural ties can be traced. They are reflected in the iconography of the masks. The art of Okunev culture had a strong influence on the artistic traditions of neighboring regions. In the art of Western Siberia, it can be traced on the example of the external design of masks of anthropomorphic figures: “horns”, central vertical line / triangular contour, “sun” rays. On the Angara - on the example of the horizontal manner of “tattooing” masks. The Angara traditions can be traced in the art of the Okunev and Samus cultures by the example of masks with a heart-shaped outline. The influence of the art of the Samus culture is marked by the presence of semicircular masks on anthropomorphic figures, the presence of three identical lines of “horns” among the petroglyphs of the Lower Angara and the Middle Yenisei.

The appearance of masks in the ancient art of Eastern and Western Siberia is a stage phenomenon in the socio-economic and cultural development of human society, when already in the Neolithic era anthropomorphic images resembling a human face began to appear to replace zoomorphic objects of worship. It was a revolutionary event: frontal projection onto the plane of a person's body and face. This tradition was born on a Neolithic basis. It received artistic embodiment first on organic media (wood, bone, leather, etc.), and later on stone.

In the Early Bronze Age, sacred centers were marked with statues (Middle Yenisei), boulders, rocks with petroglyphs (Angara). In Western Siberia, one of the sacred centers was the settlement Samus-IV. The lack of monumental, durable carriers of sacred information led to the mass production of ceramics with anthropomorphic images. The plots of the decoration of vessels illustrate the basic positions of the worldview, mythical plots, the appearance of objects of worship. The iconography of images was formed both on a local basis and under the influence of other cultures.

Using the example of anthropomorphic images, one can trace the cardinal changes in the worldview of the ancient societies of Siberia, the features of their artistic culture, vectors of intercultural contacts in the Neolithic-Early Bronze Age.

REFERENCES

1. Kovtun, I.V. (2001) *Izobrazitel'nye traditsii epokhi bronzy Tsentral'noy i Severo-Zapadnoy Azii* [Fine arts traditions of the Bronze Age in Central and Northwest Asia]. Novosibirsk: SB RAS.
2. Esin, Yu.N. (2009) *Drevnee iskusstvo Sibiri: samus'skaya kul'tura* [Ancient Art of Siberia]. Tomsk: Tomsk State University.
3. Molodin, V.I. (1993) Eshche raz o khronologii i datirovke Turochakskikh pisanits (nekotorye problemy khronologii i kul'turnoy prinadlezhnosti petroglifov Yuzhnoy Sibiri) [The chronology and dating of the Turochak writings (some problems of chronology and cultural affiliation of the petroglyphs of Southern Siberia) (revised)]. In: Kiryushin, Yu.F. & Kungurov, A.L. (eds) *Kul'tura drevnikh narodov Yuzhnoy Sibiri* [Culture of Ancient Peoples of Southern Siberia]. Barnaul: Altai State University. pp. 4–25.
4. Savinov, D.G. (2009) On the interpretation of Central Asian and South Siberian rock art. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 2(38). pp. 150–161. (In Russian).
5. Zaika, A.L. (2009) Printsipy klassifikatsii antropomorfnykh obrazov (po materialam petroglifov Nizhney Angary) [Principles of classification of anthropomorphic images (based on petroglyphs of the Lower Angara)]. In: Okladnikova, E.A. (ed.) *Homo Eurasicus u vrat iskusstva* [Homo Eurasicus at the Gates of Art]. St. Petersburg: Asterion. 307–325.
6. Zaika, A.L. (2012) Face images in the Lower Angara rock art. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 1(49). pp. 62–75. (In Russian).
7. Zaika, A.L. (2013) *Lichiny Nizhney Angary* [The Lower Angara Face Images]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State Pedagogical University.
8. Savinov, D.G. (1997) K voprosu o formirovaniy okunevskoy izobrazitel'noy traditsii [On the formation of the Okunevo art tradition]. In: Savinov, D.G. & Podolsky, M.L. (eds) *Okunevskiy sbornik. Kul'tura. Iskusstvo. Antropologiya* [The Okunevo Collection. Culture. Art. Anthropology]. St. Petersburg: Petro-Rif. pp. 202–212.
9. Kovtun, I.V. (1993) *Petroglify Visyashchego kamnya i khronologiya tomskikh pisanits* [Petroglyphs of the Hanging Stone and the Chronology of the Tomsk carvings]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
10. Kovtun, I.V. (2020) Khronologiya glavnoy ploskosti Tatal'skoy pisanitsy [Chronology of the main plane of the Tatal Carvings]. *Uchenye zapiski muzeya-zapovednika "Tomsкая pisanitsa"*. 11. pp. 13–44.
11. Leontiev, N.V. & Kapelko, V.F. (2002) *Steinstelen der Okunev-Kultur*. Mainz: von Zabern.
12. Leontiev, N.V., Kapelko, V.F. & Esin, Yu.N. (2006) *Izveyaniya i stely okunevskoy kul'tury* [Statues and steles of the Okunevo culture]. Abakan: Khakasskoe kn. izd-vo.
13. Leontiev, N.V. (1978) Antropomorfnye izobrazheniya okunevskoy kul'tury (problemy khronologii i semantiki) [Anthropomorphic images of the Okunevo culture (problems of chronology and semantics)]. In: Larichev, V.E. (ed.) *Sibir', Tsentral'naya i Vostochnaya Aziya v drevnosti. Neolit i epokha metalla* [Siberia, Central and East Asia in Ancient Times. Neolithic and Metal Era]. Novosibirsk: Nauka. pp. 88–118.
14. Savinov, D.G. (2006) O vydelenii stiley i ikonograficheskikh grupp izobrazheniy okunevskogo iskusstva [On the selection of the Okunevo art styles and iconographic groups of images]. In: Savinov, D.G. & Podolsky, M.L. (eds) *Okunevskiy sbornik. Kul'tura i ee okruzhenie* [The Okunevo Collection. Culture and its Environment]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 157–190.
15. Zaika, A.L. (2006) Antropomorfnye lichiny Nizhney Angary v kontekste razvitiya naskal'nogo iskusstva Azii [Anthropomorphic faces of the Lower Angara during the development of Asian rock art]. In: Savinov, D.G. & Podolsky, M.L. (eds) *Okunevskiy sbornik. Kul'tura i ee okruzhenie* [The Okunevo Collection. Culture and its Environment]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 330–342.
16. Zaika, A.L., Stepanov, N.S. & Matveev, V.E. (2015) Novye petroglify Angary (predvaritel'noe soobshchenie) [New petroglyphs of the Angara (a preliminary report)]. In: Mandryka, P.V. (ed.) *Drevnosti Prieniseyskoy Sibiri* [Antiquities of the Yenisei Siberia]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. pp. 135–149.
17. Zaika, A.L. (2013) Heart-shaped face-masks in petroglyphs of South Siberia. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. 1(5). pp. 35–51. (In Russian).
18. Okladnikov, A.P. & Martynov, A.I. (1972) *Sokrovishcha Tomskikh pisanits. Naskal'nye risunki epokhi neolita i bronzy* [Treasures of the Tomsk Carvings. Rock Paintings of the Neolithic and Bronze Age]. Moscow: Iskusstvo.
19. Polyakov, A.P. & Esin, Yu.N. (2017) Kuril'nitsa s antropomorfnyimi izobrazheniyami iz ranneokunevskogo pogrebeniya mogil'nika Itkol-II [A censer with anthropomorphic images from the early Okunevo burial of the Itkol-II burial ground]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkin, A.A. (eds) *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the Fifth (21st) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University. pp. 340–345.
20. Lipsky, A.N. & Vadetskaya, E.B. (2006) Mogil'nik Tas-Khazaa [The Tas-Khazaa burial ground]. In: Savinov, D.G. & Podolsky, M.L. (eds) *Okunevskiy sbornik. Kul'tura i ee okruzhenie* [The Okunevo Collection. Culture and its Environment]. St. Petersburg: [s.n.]. pp. 9–52.
21. Esin, Yu.N. (2010) *Tayna bogov drevney stepi* [The Secret of the Ancient Steppe Gods]. Abakan: Khakassia Research Institute for Language, Literature and History.
22. Zaika, A.L. (2014) The image of a mammoth in the art of ancient and traditional cultures of North Asia. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser. Istoricheskie nauki – Herald of Omsk University, Historical Studies*. 2(2). pp. 95–103. (In Russian).
23. Bobrov, V.V., Volkov, P.V. & German, P.V. (2010) The Utinka burial. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 4(44). pp. 76–84. (In Russian). DOI: 10.1016/j.aecae.2011.02.006
24. Kovtun, I.V., Marochkin, A.G. & German, P.V. (2017) Radiouglerodnye daty i otositel'naya khronologiya seyminsko-turbinskikh, krokhalevskikh i samus'skikh drevnostey [Radiocarbon dates and relative chronology of the Seima-Turbino, Krokhalev and Samus antiquities]. In: Derevyanko, A.P. & Tishkin, A.A. (eds) *Trudy V (XXI) Vserossiyskogo arkheologicheskogo s"ezda* [Proceedings of the Fifth (21st) All-Russian Archaeological Congress]. Vol. 1. Barnaul: Altai State University. pp. 269–274.
25. Savinov, D.G. (2015) O stratigrafii okunevskogo iskusstva [On the stratigraphy of the Okunevo art]. In: *Iskusstvo bronzovogo veka* [The Bronze Age Art]. Novosibirsk: Novosibirsk State University. pp. 19–53.
26. Grushin, S.P. & Kokshenev, V.V. (2004) Zakhronenie s antropomorfnoy skulpturoy v Srednem Prichumysh'e [A burial with an anthropomorphic sculpture in the Middle Chumyshye]. In: Kiryushin, Yu.F. (ed.) *Aridnaya zona yuga Zapadnoy Sibiri v epokhu bronzy* [The Arid Zone of the South of Western Siberia in the Bronze Age]. Barnaul: Altai State University. pp. 35–48.
27. Basova, N.V., Postnov, A.V., Zaika, A.L. & Molodin, V.I. (2019) Objects of portable art from a Bronze Age cemetery at Tourist-2. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii – Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*. 47(4). pp. 53–65. (In Russian). DOI: 10.17746/1563-0110.2019.47.4.053-065
28. Zaika, A.L., Basova, N.V. & Postnov, A.V. (2018) Antropomorfnyaya mnogofigurnaya kompozitsiya iz pogrebeniya na poselenii Turist-2 v Novosibirsk [An anthropomorphic multi-figure composition from the burial at the Turist-2 settlement in Novosibirsk]. In: Devlet, M.A. (ed.) *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva* [Fine arts and technological traditions of early art forms]. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat. pp. 123–130.
29. Pyatkin, B.N. & Martynov, A.I. (1985) *Shalabolinskie petroglify* [The Shalabolins petroglyphs]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
30. Polosmak, N.V. & Shumakova, E.V. (1991) *Ocherki semantiki kulayskogo iskusstva* [Essays on the Kulai Art Semantics]. Novosibirsk: Nauka.
31. Zaika, A.L. (2009) Anthropomorphous masks and “Neolithic revolution” of the culture of ancient peoples of North Asia. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta – Novosibirsk State University Bulletin*. 8(3). pp. 98–112. (In Russian).